НА УЛИЦАХ ПОТЕРЯННЫХ ИМЕН...

Улица, на которой живешь и по которой ходишь каждый день, становится для тебя родной. Настолько родной, что подчас перестаешь замечать, как меняется со временем ее облик, как много новых лиц мелькает вокруг, и уж совершенно не вникаешь в подлинный смысл ее названия.

Были времена, когда улицы и площади российских городов называли по принципу их функциональной принадлежности. Оттого в Самаре и Пензе, во Пскове и Петербурге, в Москве и Калуге жили люди на Сенных и Гончарных, Гороховых и Красных, Кузнецких и Дачных... Плохо это было или хорошо, не берусь судить. У каждого времени — свои приоритеты. И традиция присваивать бывшим Садовым и Губернаторским имена исторических личностей тоже была порождена своим временем.

Временем героических свершений и устремленности в светлое будущее.

Впрочем, что касается Магнитки, здесь все складывалось проще – она сама была порождением великого и противоречивого периода истории. И потому улицам ее изначально присваивались имена, а не «прозвища». Маяковского, Фрунзе, Кирова, Пионерская, а рядом с ними – Пушкина, Чайковского, Глиэра, Руставели... Молодые романтики, задумывая город будущего, мечтали о бульварах и парках, садах и скверах, огромных площадях и проспектах, на просторах которых не останется места ханжеству и лицемерию, невежеству и равнодушию. Равнодушию к той истории, которая незаметно переходит из мгновения в вечность...

В 1977 году на карте Магнитогорска появилась очередная улица, которой, согласно решению за номером 168 «О наименовании улиц Правобережного района», Исполком присвоил название – «Улица Ворошилова». Прилагавшийся к решению текст мемориальной доски не давал усомниться в том, что через два десятка лет после «разоблачительного» XX съезда партии и развенчания злодеяний сталинской клики, после переименований улиц, городов и сел, носивших имена сатрапов Вождя всех времен и народов, власти города решили повернуть колесо истории вспять. Зачем и почему, никто тогда никому не объяснил, а недоуменных вопросов даже в то время это вызывало немало.

Например, зачем и почему понадобилось вписывать в географию города имя «первого маршала», чуть не завалившего в годы Великой Отечественной войны Ленинградский фронт, а перед этим принимавшего активное участие в истреблении квалифицированного командно-офицерского состава Красной Армии, благодаря чему за Великую Победу стране пришлось заплатить чудовищную цену? Кому пришла в голову мысль назвать так одну из улиц магнитогорских новостроек после того, как уже существовавшую когда-то в городе улицу имени Климента Ворошилова в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР в 57-м переименовали в улицу Блюхера?..

И благо, было бы это имя особым образом вписано в биографию легендарной стройки первых пятилеток! Однако все, что можно отыскать сегодня в этой связи на скрижалях 70-летней истории города, – это короткое упоминание о том, что в сентябре 1931 года К. Е. Ворошилов действительно побывал на Магнитострое. «С начальником рудника В. Гончаренко он опустился на 70-метровую глубину в штольню, чтобы лично убедиться в том, что руда есть – в ЦК партии поступили «сигналы» об отсутствии на Магнитной горе промышленных запасов железной руды».

Каким образом нарком по военным и морским делам, а в прошлом луганский слесарь, никогда не имевший образования горного инженера или геолога, смог самолично убедиться в том, что в штольне наличествует именно железная руда, а не пустая порода, сказать сложно. Любой школьник без труда поймет сегодня, что приезд наркома на Южный Урал был банальной политической акцией. Правительство Страны Советов и не собиралось замораживать на полпути мощнейшую стройку будущего флагмана отечественной индустрии. И куда большую роль в дальнейшем становлении Магнитки и ее комбината сыграли тогда не политики, а сотни, тысячи простых землекопов, строителей, металлургов, на своих плечах поднявших на рубеже Европы и Азии металлургический гигант, какого дотоле не знали ни просвещенный Запад, ни автоматизированная Америка...

Однако в 77-м никто никому ничего объяснять не стал. Назвали улицу и все тут! Мнение народа тогда могло либо совпадать с мнением властей предержащих, либо быть «неправильным». Впрочем, улицы Магнитки даже в те времена носили в основном имена подлинных, а не мнимых героев исторического прошлого страны. Особняком в этом списке стояли, пожалуй, лишь улица Жданова и все та же улица Ворошилова. Первую в годы перестройки и разоблачительных публикаций в средствах массовой информации без долгих сожалений переименовали в Ленинградскую, справедливо решив, что архитекторы-ленинградцы, проектировавшие в 50-х «старую» часть города, вполне заслуживают чести быть увековеченными в его памяти. А вот что касается новостроек...

Переименование — в принципе, процесс затратный (почему и не имеет он широкой практики в истории последних лет). Но тогда, в конце 80-х, городская интеллигенция решила предложить оконфузившейся власти простой и не требующий дополнительных вложений выход: на страницах «Магнитогорского рабочего» литераторы и краеведы напомнили магнитогорцам о том, что на строительстве комбината в начале 30-х работал комсомолец-поэт Александр Ворошилов. Был он автором первой поэмы о Магнитострое, рассказывавшей о героическом возведении плотины, которая должна была обеспечить строившийся промышленный гигант необходимым объемом воды. Стихи эти грешили нечетким ритмом и наивностью метафор. Но рождались они от души под явным влиянием поэзии Маяковского. Да и откуда было взять профессиональное литературное мастерство бывшему беспризорнику, а позже кузнецу Сталинградского тракторного завода Саше Ворошилову, приехавшему на строительство Магнитки по зову сердца...

Он погиб молодым, штурмуя в составе «батальона энтузиастов» строительство флютбета плотины. Лютая январская стужа, степной ветер, разгоряченные работой ударники великой стройки... Кто знает, если бы не скоротечная чахотка, каким поэтом мог бы стать волжский паренек, отправившийся в начале 30-х искать свою судьбу на Урал... И назвать одну из улиц города, выросшего вокруг комбината, о котором мечтал он когда-то:

...И у дикой Магнитной горы
Под высоты просторных небес
Мы построим под светоч зари
И мартены, и домны,
и ЦЭС...—

— разве не было бы это для подрастающего поколения магнитогорцев убедительным свидетельством исторического самосознания города, без которого немыслимо любое патриотическое воспитание, о чем сегодня так много говорится, но ради чего, к сожалению, мало что по-настоящему делается...

Улица, носящая имя именно Клима, а не Александра Ворошилова, сегодня заняла на карте Магнитки узаконенное место. Ибо в год 55-летия Великой Победы, не советуясь с населением и не пересматривая решения 23-летней давности, городские власти торжественно водрузили на одном из домов в ее начале мемориальную доску, зримо свидетельствующую о том, что «черное», в зависимости от настроения, можно называть «белым», а «белое», случись в том необходимость, можно посчитать и «черным».

Неужели в мэрии по сей день не осознали кощунственности свершившегося? Ведь, открыв мраморную доску на улице Ворошилова, торжественная процессия отправилась затем на открытие такой же памятной доски на улице, носящей имя маршала Георгия Жукова. И исполненные театрального пафоса речи, звучавшие на обоих митингах, фактически уравняли в тот день две абсолютно несравнимые в масштабах истории страны личности.

Если тому нужны сегодня дополнительные доказательства, откройте переизданные в середине 90-х «Воспоминания и разышления» того же Георгия Константиновича Жукова с восстановленными в них купюрами времен 70-х, когда о многом приходилось умалчивать и многое скрывать. *«Надо сказать,* — выделено в них курсивом, — *что Климент Ефремович пользовался авторитетом среди командно-политического состава армии и флота как один из ближайших соратников Владимира Ильича Ленина, как один из старейших активных работников нашей большевистской партии, не один раз отбывавший тюремное заключение за активную борьбу с царизмом. Но как знаток военного дела он, конечно, был слаб, так как кроме участия в гражданской войне он никакой практической и теоретической базы в области военной науки и военного искусства не имел, поэтому в руководстве Наркоматом обороны, в деле строительства вооруженных сил, в области военных наук он должен был прежде всего опираться на своих ближайших помощников, таких крупных военных деятелей, как М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, С. С. Каменев, В. К. Триандафиллов, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, и других крупнейших знатоков военного дела».* Знакомы ли эти имена чиновникам мэрии? А судьбы, постигшие впоследствии большинство из их владельцев — воспитанников военных учебных заведений царской России, в которых учили, надо сказать, на совесть. Но дело даже не в этом. Ни один из кровавых приговоров, выносившихся в 30-е «мятежному» офицерству, не мог быть приведен в действие без ведома «первого маршала» страны, занимавшего к тому же пост наркома обороны СССР.

Так в чем же заключается «положительный пример» его личности, что способен воспитывать подрастающее поколение в духе патриотизма? И куда прикажете девать те несколько строк, что ставятся сегодня в конце любой энциклопедической статьи, посвященной К. Е. Ворошилову: «Входил в ближайшее политическое окружение И. В. Сталина, один из наиболее активных организаторов массовых репрессий 1930-х – нач. 50-х гг. среди военных» («Большой энциклопедический словарь», М.-Спб., 1997)?.. Может, заклеить эти страницы? Или изъять словари из библиотек? В эпоху Ворошилова подобных способов борьбы с инакомыслием, между прочим, не чурались...

Верно замечено, и не мною, что имена военно-политических деятелей должны присваиваться улицам городов и поселков, тем более в наши дни, с большой осторожностью. Кстати, именно в связи с идейными разногласиями в обществе комиссия по наименованию улиц Магнитогорска отказала два года назад правлению станицы Магнитной в присвоении одной из улиц поселка Старая Магнитка имени посмертно реабилитированного в 92-м году военного министра правительства Колчака М. В.Ханжина. Переулок этот носит теперь название Станичного. И слава Богу, что хватило тогда людям, принимавшим это решение, и мудрости, и рассудительности.

История – слишком непростая штука, чтобы играючи расставлять в ней акценты. И дивясь сегодня той легкости, с которой город привел в исполнение покрытое пылью времени решение Исполкома, заседавшего еще в государстве, которого почти 10 лет как не существует на карте мира, я отнюдь не ратую за то, чтобы бездумно стирать со скрижалей истории «неугодные» имена. Человечество должно помнить и злодеев, и созидателей. Просто каждое из имен должно существовать в подобающем ему историческом контексте.

Увековечив на бумаге и в мраморе сомнительную личность, мы не историю тем самым обманули. Самих себя. И я сочувствую тем, кто отныне вынужден, указывая на посылках и письмах свой почтовый адрес, ясно осознавать, чье имя приходится ему при этом невольно множить во времени.

А ведь вокруг «многострадальной» улицы тянутся сегодня километры улиц и переулков, носящих имена людей, навеки вписавших свои дела в биографию необыкновенного города: Завенягина и Тевосяна, Галиуллина (в Краснознаменной бригаде которого, кстати, работал и Александр Ворошилов), Коробова и Калмыкова. Рядом проходят улицы Доменщиков и Сталеваров... Правда, при этом один из лучших директоров ММК, Иван Харитонович Ромазан, благодарную память о котором магнитогорцы хранят и по сей день, удостоился чести быть увековеченным лишь в названии дальнего переулка. Впрочем, другой директор комбината, возглавлявший производство в тяжелейшие для страны годы Великой Отечественной войны — Григорий Иванович Носов — не заслужил и такой мизерной памяти. Нет этого имени на карте города, и все тут.

Зато есть улицы и остановки с безликими названиями вроде «50 лет Магнитки» (да, именно так, вопреки всем правилам русской орфографии) или «Электросети», «Кирова, 72» или «Карла Маркса, 115». Есть улица-«фантом», носящая имя Энгельса, на которой нет ни одного дома, поскольку неизвестно, где она, собственно, пролегает... А еще есть в Магнитке улицы «потерянных имен», ибо однофамильцев даже среди знаменитостей в России всегда хватало. До недавнего времени к таковым для большинства из нас относилась и улица Ворошилова. Ну а кого конкретно из Островских, Серовых, Нестеровых, Кольцовых, Суриковых имели в виду те, кто присваивал этим улицам их имена, неясно до сих пор. Тем более, что соответствующие документы наверняка утеряны за давностию лет.

Теряя имена, мы теряем будущее. И если кто-то до сих пор считает подобную расточительность «мелочью», пусть с ходу ответит на вопрос, почему один из исторических районов города по сю пору называется странно и «двусмысленно» Ежовкой? Только мне довелось выслушать по этому поводу три(!) версии, высказанных земляками: 1) потому что там ежи в свое время водились; 2) потому что там расселяли ссыльнопоселенцев, прибывавших на Магнитострой по приговору судов времен «ежовщины»; 3) потому что в XVIII веке эту исконно русскую фамилию носил штайгер Ежов, организовавший в этих местах разработку горы Магнитной.

Как вы думаете, какой из трех вариантов предпочтут городские власти, случись устанавливать в том районе какую-нибудь мемориальную стелу? Впрочем, что там Ежовка – до нее еще когда руки дойдут... А вот улица Гайдара – объект для установления мемориальной доски куда более реальный и осязаемый. И кто знает, не найдется ли в недалеком будущем очередной историк, который, присутствуя на торжественном митинге, восславит в своей речи не классика детской литературы, на которой выросло не одно поколение советских мальчишек и девчонок, веривших в счастье и справедливость на земле, а горе-премьера, подведшего в свое время постперестроечную Россию почти к самому краю экономической пропасти. Впрочем, об этой «темной» стороне деятельности Егора Гайдара не будет сказано ни слова. Ведь уроки манипулирования сознанием сограждан этот агитатор возьмет у нас, сегодняшних, переняв заодно и привычку небрежно относиться к прошлому. К тому самому, что не устает мстить всем нам, бывшим, сегодняшним и будущим, за наши черствость и равнодушие...

В. ЗАСПИЧ.